

Цикл стихотворений «Времена года»

Весна

Весенняя графика

Черно-белые гравюры,
преапрельские листы
после длинной, после хмурой,
после зимней маеты.
Каждый день – свои отметки,
каждый час – свои штрихи...
Вот на фоне снега – ветки
мартом тронутой ольхи.
Серебристый наст протаян,
тропка – робкая черта,
снег и пятнышки проталин –
вся земля, как береста.
Елок стройные фигуры,
теней легкие цветы...
Вот на белый лист гравюры
молча вышли я и ты.
Мы друг к другу потянулись,
и сквозь лес, и снег, и льды
по гравюре протянулись
наши точки – следы.
Между нами – горы круты,
города и пустыри...
Помолчи еще минуту.
Ничего не говори.

* * *

Зимы снеговые напасти
за майский ушли оком.
Как символ желанья и страсти,
багульник исходит огнем.

И, ветром весенним воспеты,
в припадке лихой доброты
свои золотые монеты
рассыпали первоцветы.

И в жажде признанья и славы
геройский бросок совершив,
внезапные буйные травы
достигли гранитных вершин.

И это великое действо
свободы, любви, красоты,
должно быть, твое чародейство,
за всем этим прячешься – ты.

Твоих не изведав секретов,
я все бы держал в голове,
что просто багул фиолетов
и желт одуванчик в траве.

Уже в березах бродят соки глухо

Уже в березах
бродят соки глухо,
и соль снегов
за ближним бугорком
весна,
как молодая оленуха,
настороженно лижет языком.

Мороз ли неожиданный нагрянет,
смутит ли солнце
тонкой ивы сны, -
мир все равно качается на грани
зимы отбушевавшей
и весны.

Мир все равно теряет
равновесье,
у гор и рек кружится голова,
и весь я в ожидании,
и вес я
как первой книги
первая глава.

Возьми меня,
прочти любые строки,
открой меня,
как открывают мир,
войди в меня,
как входят в лес высокий
из зимней отчужденности квартир.

* * *

Может, выйдем у дачки,
где пока тишина,
где бесшумные скачки
учинила весна.
Где, разбив оболочки,
как птенцы скорлупу,
вылетают листочки,
бросив тень на тропу.
Мы присядем в волнение
на скамью у окна,
и свое представленье
доиграет весна.
И на всю на округу

раззвонит первоцвет,
как мы любим друг друга –
вот уж тысячу лет.

Весеннее

Я знаю:
дело скверное –
сидеть в квартире топленой,
когда весна над скверами
гнездится в каждом тополе.
Гляди:
снега не стояли,
но белизна их тронута
и птицы, птицы стаями
летят от горизонта.
Пойдем!
Пальто отброшены
до новой стужи в отпуске.
Пойдем месить калошами
зари веселой отбрызги.
Сердца, как будто зяблики,
встревожены, растаяны,
а если и озябнем мы, –
погреемся в трамвае мы.
Усядемся, проедемся,
с окраинами встретимся.
Кондуктор удивляется,
показывает пальцем:
– Должно быть, ненормальные –
туда-сюда катаются!
Подходит гусем важным,
вопрос вставляет ловко:
– Куда вам ехать, граждане?
– Какая остановка?
Мы глянем на кондуктора –
глаза весною мечены –
и скажем мы кондуктору:
– Конечно же,
конечная!

Ты видела, как расцветает багульник?
Все происходит так:
Каждая почка на хрупком рассвете
Раскрывает кулак.
И вырываются вдруг наружу –
Пока еще невелики, –
Презирая снега и стужу,
Лиловые огоньки.
Будет еще зима колобродить,
Снегом обдаст навесным,

Но уже ни за что
Никакой непогоде
Не погасить
Весны!

Лето

Август

Еще жара, но зной не так несносен,
еще в цветах мохнатятся шмели...
Уже не лето, но еще не осень –
особое томление земли.

Уже отпето, а еще не спелось,
уже набухли вены от трудов,
уже не завязь, но еще не спелость,
а только ощущение плодов.

Блаженный август, завершение лета:
что не достроил – то уже на слом,
предельный срок плода и пустоцвета,
водораздел таланта с ремеслом.

Гроза

Облака залегли, как пехота:
цепь за цепью, за ротою – рота,
и закатные нивы красны –
все в крови беспощадной войны.

Скоро дождь артналетом обрушит
свой удар на осеннюю медь,
ослепительным залпом «катюши»
будет молния в небе греметь.

И тайга в обороне глубокой,
и штыки у небес на краю...
Не вернулся ли я ненароком
в отгремевшую юность мою?

Жарки

Жизнь меняет порядок вещей –
вот и зрелости песни отпеты,
но, как прежде, меж легких хвощей
полыхают жарков самоцветы.

И, как прежде, тревожат меня,
как мигание на неотложках,
эти странные сгустки огня
на высоких коленчатых ножках.

Непогода сегодня с утра
серым войлоком мир спеленала –
на березах потухла кора,
не алеют кусты краснотала.

Но суровости сей вопреки,
среди хмуρο притихшей природы,
так пронзительно светят жарки,
как посланцы хорошей погоды.

Вот туман растворился, зачах,
солнце нехотя выпустил вечер,
и жарки в предзакатных лучах
светят, как поминальные свечи.

И пока их огонь не погас,
со слезами, ожегшими веки,
вспоминаю потерянно вас –
всех, с кем я распрощался навеки.

За майским сиянием гроз –
зигзаг прибайкальской погоды:
в июне ударил мороз,
на зорьке, и сжег огороды.

Так в нашем бывает краю:
мороз среди жаркого лета
поранил рябинку мою,
что нежно была разодела.

Он листьев обуглил края,
он ягоды смял до рожденья,
болеет рябинка моя,
прозрачная, как наважденье.

Внезапный студеной недуг,
зимы снежно-белая фаза.
Так сердце спалила мне вдруг
одна мимолетная фраза.

Ливень

Как думал о воде летучей,
когда входили мы в залив?
Но тишину накрыло тучей,
залив смятением залив.
Ударил ливень яркой силой,
и капля, верткая, как бес,
в волну натянутую била
и вновь взлетала – до небес.

А берег выплеснул сирену,
но тут, взамен сигнала SOS, –
миллион спортсменов – на арену,
и представление началось.
У лодки с волнами – дебаты,
а туча медленна, тяжка,
с нее слетели акробаты –
и каждый ростом полвершка.
Они бесились, зная цену
мгновению в разгаре дня...
Но солнце вдруг закрыло сцену,
и занавес был из огня.
И над заливом белым паром
иссякший ливень истлевал...
Лишь белый парус, мокрый парус.
И тихий вал. Усталый вал.

Лютики

От реки до соседнего лога
в огоньках-светляках берега:
нынче лютиков, лютиков много –
вся усыпала ими тайга.

Никогда еще так не бывало:
за неделей неделю подряд
все рождалось и отполыхало,
а они все горят и горят.

Видно, время такое пришло,
что и здесь, и вон там, и вдали
солнца огнепаляющие стрелы
на могучей земле проросли.

И, как отсвет июльского зноя,
сквозь деревья, траву и кусты
блещет ясное пламя резное –
знак надежды и знак чистоты.

Может, мы ошибаемся, люди,
и цветок мы назвали не так?
Он не лют этот солнечный лютик
под несправедливой кличкой – «сорняк».

Ночь в лесной сторожке

По шиферу да по крылечку
Бьют капли, а в доме – уют,
И кажется: куры за печкой
Зерно золотое клюют.

А дождь все сильнее. Потеха! –

Полей еще, дождик, полей!..
И мнится, что едет телега
Вдоль медленных тучных полей.

Вот гром пробурчал для порядку,
Раскат разбудил высоту,
А снится: идет на посадку
По тучам серебряный ТУ.

Какая счастливая участь:
Почувствовать в крае лесном
Простор меж землею и тучей,
Простор между явью и сном.

Перевал

Нас облака обволокли,
зеленый газик в них витает,
и на стекло летят и тают
дождейки – белые шмели.
Нет, газик жмет не по лесам,
ее по осклизлой мокрой круче:
косыми струями прикручен
он к непроглядным небесам.
Но, уцепившись за багул,
за травы, он спешит в низину,
косые струи, как резину,
неимоверно растянул.
И обрывается канат,
которым дождь был связан с нами,
и тучи, вдруг махнув крылами,
летят, счастливые, летят!

Разлеталась ворона, вещая,
замыкая над трактом круги,
и бенгальский огонь иван-чая
полыхает в пространствах тайги.
Он дошел до краев окоема,
и уже меж испуганных туч
так мятежно, лилово, знакомо
полыхнул иванчаевый луч.

А машина, неспешно качая
наши мысли, тянулась к реке,
и светился цветок иван-чая
в полудетской прозрачной руке.
И, за нами следя с небосклона,
среди облачной летней шуги,
все летела, летела ворона,
замыкая над трактом круги.

Упали тучи на асфальт

Упали тучи на асфальт,
упали тучи,
роняя косо под колеса
дождь летучий.
И были улицы
не суша, а каналы,
и шины в них
свои мозоли
окунали.
Ездою быстрой
и жарой разгоряченные,
они в прохладе летней
остывали
и мчались дальше,
новенькие, черные,
и больше целый день
не уставали.
Что скорость им,
что тормоза скрипучие?!
Упали тучи на асфальт,
упали тучи.
По ним иду,
в прохладный ливень
окунаюсь
и, в общем, тоже
тормозам
не подчиняюсь!

Осень

Листопад

Лесные бабочки, как ранний листопад,
летят оранжево в клубящиеся травы.
А листья шепчут: бабочки не правы,
бессмертны мы, намеки – невпопад.
Но день неожиданный листья подсечет,
и наземь упадет краса резная...
Но бабочки об этом не узнают:
они – мертвы и, стало быть, не в счет.
...Я загрущу, я выйду в листопад,
таким жестоким знанием отмечен:
что все невечно, и что я невечен...
А листья, словно бабочки, летят.

Провиденье порою – хуже пут,
спасенья нет от неизбежных истин.
А листопад торжественно-неистов,
и в мертвых листьях – бабочки живут.

Осенние этюды

Я осень рисовал,
я отдал дань туманам,
устал и рассовал
рисунки по карманам.
В один карман вошел
багрянец листопада,
вплыл паутины шелк,
втекла реки прохлада.
В другой карман легли
и предрассветный иней,
и все дары земли,
и небо в куртке синей.
И лишь туман пропал,
исчез легко и странно...
...Его я отыскал
в твоих глазах туманных.
Он плыл по небу глаз,
и труден был вопрос их:
неужто и для нас
уже настала осень?
Неужто нам уже
зима закуковала
на белом рубеже
за ближним перевалом?
А вьюги все мели,
все дыбились метели,
и дни, как журавли,
взвивались и летели —
над холмиками стрех
растянуты по струнке...
...А я на снег, на снег
ронял свои рисунки.
И вновь в снегах цвели
торжественно и радо
и все дары земли,
и краски листопада.
И все моложе мы,
и ты молчишь, согрета,
среди кругов зимы
встречая бабье лето.

Преддверье зимы

Поздняя осень. Преддверье зимы.
Тихого солнца нежаркая нега...
Хрупкие листья. Предчувствие снега.
Ветром размотанные дымы.
Лотки, за лето намаявшись вволю,
носом уткнулись в холодный причал.
Соединенье концов и начал —

осень посыпана инея солью.
И на лету замерзают дожди,
небо – в накидке из серого пуха.
Город – большое и чуткое ухо –
слушает: что там еще впереди?
Поздняя осень. Преддверье зимы.
А до весны еще век или год нам?!
В улицы-реки втекают вольготно
тучи, как будто большие сомы.

Стихи о кленовом листе

Я – осенний день,
я праздничен и чист.
Вместо сердца у меня –
кленовый лист.
Бродит ветер
равнодушен и жесток:
обрывается, летит, болит листок.
Он лежит на тротуаре,
на виду,
только вы – все мимо, мимо,
на беду!
Вам поднять его с асфальта не с руки,
целый день идут по сердцу
каблуки.
Вы спешите на работу,
в институт,
а меня слепые дворники метут,
поджигают –
боль прозрачна и остра!
Приходите,
Отогрейтесь у костра.

Шуга

Льдины – осенние птицы...
Белая стая
меж берегами гнездится,
крылья пластая.
Будто бы дикие утицы
сели – устали,
молча над плесами крутится
белая стая.
Ветер крылатых разводит,
снова их сгрудит –
бьются, сминая разводья,
белые груди,
гибнут, чтоб снова родиться,
пена – резная...
– Птицы! Надолго к нам, птицы?
– Кто его знает...

Зима

Идет февраль

Из отдаленных перелесиц,
метя ветрами по земле,
идет февраль – короткий месяц...
(А родилась ты в феврале!)
Стучал он вьюгою в ворота,
вершил над лесом волшебство.
И было озорное что-то
в нелепой краткости его.
И январю вручая визы
в полночной пограничной мгле,
он шел, как дерзость, шел, как вызов!
(А родилась ты в феврале!)
Держал он землю в напряженье.
Толклись снежинки, мельтеша,
и начиналась в их движение
твоя метельная душа.

Поземка

Тысячи белых змей
пересекают тракт.
Какая невзгода гонит
тысячи белых змей?
Бросаются под колеса
наперез машине,
являясь из темноты
тысячи белых змей.

Тысячи белых волн
вспыхнули над асфальтом,
а шины – на гребни, на пену,
на тысячу белых волн.

Куда-то поплыл асфальт,
стал зыбким и ненадежным,
и нет сибирского тракта,
есть – тысячи белых волн.

Тысячи белых бабочек
стучатся в стекло ветровое,
и разбиваются насмерть
тысячи белых бабочек.
Но на приманку фар,
на смену погибшим тысячам
летят из пустого мрака
тысячи белых бабочек.
О этот ночлег в конце!

Едва прикасаюсь к подушке –
шатаются белые волны,
гибнут белые бабочки,
белые змеи ползут.
И в тысячный раз во сне,
как оборотень меняясь,
заносит меня
поземка.

* * *

Яне Моравцовой

Снегопад, снежокрут, снеговей,
февраля запоздалое эхо,
ни удачи тебе, ни успеха –
нам давай что-нибудь поновей.

Снеговей, снегопад, снежокрут,
перехлест заблудившейся вьюги, –
бесполезны, бесплодны потуги,
слышишь: вешние птицы поют?!

Снежокрут, снеговей, снегопад,
что ж ты так задержался позорно?
Все твои серебристые зерна
на весенней улыбке сгорят.